

© 2023. А. В. Гулин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Время Палиевского

Аннотация: В основу статьи положены личные воспоминания автора о встречах, сотрудничестве и беседах с выдающимся русским филологом Петром Васильевичем Палиевским. Ученый исключительного диапазона Палиевский получил широкое признание в России и за рубежом в качестве автора ставших классическими исследований. Автор статьи пытается определить существенные особенности его вклада в теорию литературного образа, изучение природы художественных ценностей, выявление закономерностей литературного процесса. Книги и статьи, публичные выступления, устные суждения Палиевского о писателях, о русской и мировой художественной культуре, о судьбе России в бурном движении человечества рассматриваются как выражение целостной, самобытной системы взглядов на человека и мир. На примере отдельных жизненных эпизодов и высказываний ученого в статье раскрывается личность, уникальная для отечественного литературоведения, культурологии, обществознания по степени вовлеченности в мировые идеологические процессы и почти всеохватной широте кругозора. Деятельность Палиевского освещается как служение своему Отечеству богато одаренного ученого-патриота, продолжателя и хранителя национальной традиции в российской филологии.

Ключевые слова: П. В. Палиевский, российское литературоведение, литературный процесс, теория литературы, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой.

Информация об авторе: Александр Вадимович Гулин, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия

E-mail: gulinimli@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.03.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.04.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Гулин А. В. Время Палиевского // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 168–181. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-168-181>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 168–181. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 168–181. ISSN 2686-7494

In Memoriam

© 2023. Alexander V. Gulin

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

Time of Palievsky

Abstract: The article is based on the author's personal memories of meetings, cooperation and conversations with the outstanding Russian philologist Pyotr Vasilyevich Palievsky. Being a scientist of exceptional range, Palievsky has received wide recognition in Russia and abroad as the author of classic studies. The author of the article tries to determine the essential features of his contribution to the theory of literary image, the study of the nature of artistic values, the identification of patterns of the literary process. Palievsky's books and articles, public speeches, oral judgments about writers, about Russian and world artistic culture, about the fate of Russia in the turbulent movement of humanity express scholar's holistic, original system of views on man and the world. Using the example of individual life episodes and statements of the scientist, the article reveals a personality unique to Russian literary studies, cultural studies, social studies in terms of the degree of involvement in world ideological processes and almost all-encompassing breadth of horizons. The article highlights activity of Palievsky as the service to his Fatherland of a richly gifted scientist-patriot, continuer and keeper of the national tradition in Russian philology.

Keywords: P. V. Palievsky, Russian literary studies, literary process, theory of literature, A. S. Pushkin, L. N. Tolstoy.

Information about the author: Alexander V. Gulin, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: gulinimli@yandex.ru

Received: March 05, 2023

Approved after reviewing: April 17, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Gulin, A. V. "Time of Palievsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 168–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-168-181>

Автор этих строк не может назвать Петра Васильевича Палиевского своим учителем. Никогда в строгом смысле слова мне не приходилось учиться у нашего замечательного литературоведа, мыслителя, публициста. Скорее, моим учителем, сам того не подозревая, много лет оставался другой выдающийся филолог — Эдуард Григорьевич Бабаев. И тем не менее, за те неполные четыре года, что прошли со времени ухода Палиевского, редко выдавался день, когда я не вспоминал бы о нем. Его книги и статьи, его афористичные устные суждения о писателях, о литературном процессе, о русском и мировом искусстве, о судьбе России в бурном движении человечества — больше, его видение мира как целостная в большом и в малом система воззрений как-то незаметно отозвались и отзываются во мне — одном из многих современников, кому довелось лично узнать Петра Васильевича. Эти короткие заметки — дань памяти одного из выдающихся людей нашего времени.

***

О Палиевском я впервые услышал весной 1979 г., оказавшись двадцатилетним студентом факультета журналистики МГУ на практике в газете «Комсомольская правда». Меня командировали в отдел литературы и искусства, которым заведовал в то время известный критик Валентин Михайлович Свининников. При первом же разговоре со мной он посоветовал в качестве безусловного критического ориентира читать книги и статьи Палиевского.

Это было недолгое время, когда «Комсомолкой» руководил Валерий Николаевич Ганичев, и газета — разумеется, в рамках коммунистической идеологии, держалась традиционного, патриотического направления. В самый момент, когда я представлялся Свининникову, в кабинет к нему вошла одна из сотрудниц и попросила воспользоваться телевизором в кабинете начальника, чтобы всем отделом посмотреть

ожидавшуюся дневную передачу памяти Николая Рубцова. О Рубцове я, конечно, слышал, но стихов его тоже почти не знал. Факультет журналистики жил по большей части шумливыми современными именами: Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Окуджава... Сам я только-только выходил из почти трехлетней юношеской зачарованности стихами Вознесенского. Вспоминаю об этом потому, что имена Палиевского и Рубцова (как большого русского поэта) впервые прозвучали для меня одновременно и вместе. Позднее я спрашивал: «Петр Васильевич, случалось Вам встречаться с Рубцовым? Хотя бы через Кожина не были Вы знакомы?» Ответ, к моему сожалению, был отрицательным.

Что же касается работ Палиевского (я прочитал статьи о Шолохове, Фолкнере и «Хаджи-Мурате» Толстого), то они на меня — тогдашнего, большого впечатления, увы, не произвели. Предстояло еще подрасти.

***

Настоящее открытие Палиевского — литературоведа и мыслителя, началось для меня на рубеже 1980–1990-х гг., в пору моего позднего учения в аспирантуре Института мировой литературы. А личное знакомство случилось и того позднее — когда он оставил пост заместителя директора ИМЛИ и перешел в Группу по подготовке собрания сочинений Льва Толстого, где в это время уже работал и я.

Петр Васильевич определенно был человеком крупного калибра — самобытным, единственным. Я далек от мысли, что он решительно возвышался над всеми своими современниками. С некоторыми из них он стоял на одной высоте, многие превосходили его по своему общественному влиянию. Даже и в мире филологическом одновременно с ним совершали свой творческий путь Вадим Валерианович Кожин, Александр Викторович Михайлов, Николай Николаевич Скатов, Эдуард Григорьевич Бабаев и еще несколько замечательных литературоведов. Не говоря уже о многих деятелях поздней советской и постсоветской эпохи в самых разных областях культуры. Однако по степени вовлеченности в мировые идеологические процессы, почти всеохватной широте кругозора Палиевский выглядел фигурой уникальной для отечественного литературоведения, культурологии, обществознания, до известной степени — философии... Все это просто невозможно было не замечать.

***

Палиевский принадлежал к поколению, которое пришло на свет в последнее десятилетие перед Великой Отечественной войной, то есть к поколению моих родителей. Представить себе значение Петра Васильевича для умственной жизни Советского Союза 1960–1970-х гг. — в пору царствующей литературы и время наивысшего расцвета таланта Палиевского, для нас, детей другой эпохи, едва ли было возможно в полной мере. Отдавая должное его таланту, его аналитической одаренности, его заслугам, находя в нем почти отеческую поддержку по множеству научных и мировоззренческих вопросов, мои сверстники не разделяли иных убеждений Палиевского, не могли принять до конца ту философскую систему, обладателем которой он, безусловно, являлся. Но мы испытывали к нему почти сыновнюю любовь и неизменно находили в нем своего мудрого старшего товарища.

Однажды в завершение долгого разговора со мной он сказал: «Мне жаль ваше поколение. У вас нет никакой общественной силы, с которой вы могли бы себя соотнести. Вы все сами по себе».

Я ничего не ответил. Но про себя подумал: «Петр Васильевич! Бог нас водит, он наш Генерал!»

***

Первое, что поражало в нем — необыкновенная острота мысли и способность почти мгновенно принимать верные и ответственные решения. Это не могло не восхищать — настолько быстрого и точного ума мне встречать больше никогда не приходилось. Долгое объяснение проблемы ему досаждало. Он улавливал существо вопроса буквально с первой фразы, так что продолжения не требовалось.

Его познания были огромны и при этом находились в безупречном порядке. Ум его всегда казался мне больше аналитическим, чем поэтическим. Палиевский прекрасно чувствовал поэзию (иначе и быть не могло), но она, скорее, волновала его со стороны высказанной поэтом идеи, а не с точки зрения заключенного в ней идейно-эмоционального комплекса.

Впрочем, Петр Васильевич раскрывался для меня очень постепенно. Только в последние 10 лет его жизни наше с ним общение сделалось

довольно частым, по-настоящему глубоким и, надеюсь, хотя бы отчасти обоюдно заинтересованным.

***

Подобно большинству творческих людей своего поколения, Палиевский, безусловно, имел в себе и нечто наполеоновское, то есть выстраивал картину мира не от Бога, но от человека — в конечном счете (хотел он того или нет), из самого себя. В его системе координат — сложной и разветвленной, это означало постигать мир «из жизни».

Возможно, именно поэтому он так безраздельно любил Льва Толстого — как показало время, главного выразителя и творца русского мировоззрения советской эпохи. Толстой представлялся ему неоспоримо объективным художником. Можно сказать, что во многом Палиевский с его широчайшей эрудицией в каком-то смысле все же находился на орбите, образованной в нашей мысли, в нашей истории Толстым. При этом, воспринимая Толстого глубоко и зорко, он нередко оставался в пределах советской традиции. Помню, меня поразило однажды, как Петр Васильевич неожиданно назвал Платона Каратаева одним из крестьянских типов, противопоставленным типу Тихона Щербатого. «Безличного» праведника толстовской веры, который соединяет в себе все «лучи» огромного повествования, он здесь, по-видимому, не предполагал. Вообще Петр Васильевич на протяжении десятилетий склонялся к тому, что Толстой понял жизнь и понял единого для всех Бога с неповторимой силой и полнотой.

***

Впервые Палиевский обратил внимание на мои скромные труды, когда начал редактировать реальный комментарий к «Войне и миру», над которым, поделив роман-эпопею на части, несколько лет трудились мы с Виктором Игоревичем Щербаковым. Наша работа, как следовало из его слов и бисерным почерком оставленных на полях карандашных пометок, нравилась Палиевскому в высшей степени. Он был неравнодушным редактором и как-то почти по-детски радовался обнаруженным нами новым источникам, обилию приведенных исторических фактов и особенно удачным случаям их использования в комментарии. При этом он говорил, что мы впервые так широко «привязываем» роман к истории, что сделать это было давно необ-

ходимо. Ему понравилась — по мысли и по названию, и моя статья «Поэзия правды», посвященная историческим источникам в «Войне и мире».

Не исключаю, впрочем, и того, что Петр Васильевич таким вот образом хотел окрылить нас для дальнейшей работы. Много позднее он делился со мной своим богатым опытом администратора: «Людей надо хвалить. Даже и за самые малые успехи. Это лучший и, в сущности, единственный способ руководства и побуждения к работе. А потом, чем еще утешиться бедному филологу в наше трудное время?» Не могу сказать, что я и тогда и сегодня вполне соглашался с ним. Все же здесь угадывался некий элемент манипуляции людьми.

Правда, случалось мне слышать от Палиевского и не одни похвалы. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. я напечатал несколько статей, где пытался рассматривать творчество Толстого как нерасторжимое единство великих прозрений и эпохальных парадоксов. Одна из них предваряла издание «Кавказского пленника» и «Хаджи-Мурата» в «Школьной библиотеке». В принципе, я проявлял известную осторожность и не торопился знакомить с этими статьями своих начальников — Петра Васильевича Палиевского и Лидию Дмитриевну Громову-Опупльскую. Я даже писал эту статью с известной «оглядкой», опасаясь неосторожно травмировать дорогих мне людей (сегодня видно, насколько же это помогло мне избежать прямолинейных и недостаточно выверенных суждений). Тем не менее, «Хаджи-Мурата» со своим большим предисловием Петру Васильевичу я однажды все-таки подарил.

В принципе, ничего особенно «критического» в отношении Толстого (какая уж тут может быть критика!) эта статья не содержала: неприличный до некоторой степени взгляд — и не более того. Я работал над ней долго, обдумывая каждое слово, я писал ее с любовью к материалу. Однако оценка Петра Васильевича оказалась весьма суровой, пожалуй, даже не имеющей прямого отношения к моему подарку. Позднее, обдумывая ситуацию, я, кажется, понял, как обстояло дело. Несколькоими днями раньше я делал на конференции доклад о «Войне и мире», где высказал похожие идеи. Палиевского там не было. Зато была Лидия Дмитриевна, которую, вероятно, не на шутку встревожили «новые веяния». Она-то, как мне представляется, и попросила Петра Васильевича из самых лучших побуждений предостеречь меня. Он же сделал это

весьма своеобразно. «Слышу огненный голос Савонаролы», — сказал Палиевский по поводу прочитанного.

Честно говоря, не было там никакого «огненного голоса» — была образная, очень даже «мягкая» аналитика. Я и сегодня люблю, как прежде, эту свою наполовину лирическую работу. Слышал я о ней и самые добрые отзывы других уважаемых мной людей. И вот надо же! Мне стало и досадно, и почему-то смешно. Статья оказалась только поводом для своеобразного «отеческого вразумления».

Случай этот скоро забылся. Однако, как выяснилось, не совсем. Стоило мне, бывая в Италии, увидеть памятник Савонароле в его родной Ферраре, или другой памятник — ему же, в садах римской виллы Боргезе, оказаться у кельи мятежного монаха во флорентийском монастыре Сан-Марко, как тут же возникал в памяти Палиевский. И с этим ничего нельзя было поделать.

В ту пору и позднее мне случалось сокрушаться про себя, что написанное мной либо «уходит в песок», либо вызывает непонимание, как это вышло с «приговором» Палиевского современному Савонароле. А между тем время шло, и как-то незаметно то, что казалось еще вчера едва ли не «бунтом», входило в обиход. В последние годы Петра Васильевича чрезвычайно волновала тема «Толстой и революция». И выяснилось вдруг, что мы почти одинаково видим Толстого — особенно позднего, правда, подступая к нему с противоположных точек зрения. Во всяком случае, ничего возмутительного в моих, оставшихся неизменными, понятиях Палиевский больше не находил.

***

Свою работу в ИМЛИ Петр Васильевич начинал в Отделе теории литературы, который переживал в 1960-е гг. свой «золотой век». Палиевский оказался одной из наиболее ярких «звезд» этого прославленного Отдела. Исключительно велик его вклад в теорию литературного образа, изучение природы художественных ценностей, выявление закономерностей литературного процесса. Его работы «О структурализме в литературоведении», «К понятию гения», «Образ или словесная ткань?», «Пути реализма», «Русские классики: опыт общей характеристики» и еще многие другие стали событиями в Советском Союзе и за рубежом. Вместе с тем теоретические достижения Палиевского нашли свое продолжение

в углубленном, нетривиальном изучении Пушкина и Льва Толстого, Леонтьева и Розанова, Шолохова и Булгакова, Фолкнера и Грэма Грина, Замятина и Хаксли. Органичными свойствами его исследований всегда были образцовая логика, масштабность и отточенность мысли, верность национальной научной традиции.

Он оставил не столь уж обширное печатное наследие. Однако сжатая сила им написанного всегда была впечатляющей. Тем не менее, у меня часто возникал вопрос: как соотносятся в его научной жизни письменное и устное начала? Я помню Палиевского уже в то время, когда он больше говорил, чем писал. Возможно, его писательский дар сбывался в это время главным образом в его обширной переписке.

Круг его общения был огромен. Он включал в себя почти весь ИМЛИ, несколько других академических Институтов и московских Высших учебных заведений. А еще были десятки приезжих из российской провинции, из бывших союзных республик. Иностранцы тянулись к нему отовсюду, везде у него находились благодарные почитатели: в Европе, Америке, Китае, Индии. Скажем, после заседаний Отдела или Группы поймать его для обсуждения каких-то новых деловых вопросов было очень сложно. Он почти непременно с кем-то уже беседует. Он в ИМЛИ, как Сократ в древних Афинах, неустанно учит, спорит, наставляет. С кем-то обсуждает его задуманную книгу, с кем-то диссертацию.

При этом в Палиевском не замечалось и малейшего авторского тщеславия. «Петр Васильевич, а Вы не боитесь расплескать в этом общении свои, в том числе, еще не обнародованные мысли?» — спросил я его однажды. «Нет, не боюсь, — ответил он, — пусть подхватывают, используют, несут дальше». Сегодня понятно, что для него эти постоянные разговоры были полноправным и очень результативным творчеством, не менее важным, чем творчество письменное.

***

Для многих из нас, если не для всех, Палиевский остался человеком до конца не познанным, человеком-загадкой. Возможно, его значение, суть и смысл его жизненного пути лучше нас — в той или иной степени его единомышленников, понимали его недруги, в которых у Петра Васильевича тоже не было недостатка. Так уж заведено в России, что истинное достоинство человека часто определяется си-

лой ударов, которые он на себя навлекает. Палиевский при этом, как настоящий боец, оставался вынослив, хладнокровен и не терял ни на миг бодрости ума.

Однажды я сказал ему: «Петр Васильевич, если и спасется наше Отечество, то уж точно это произойдет совсем не так, как мы себе можем представлять и желать». Он махнул рукой: «Ну да это же давно понятно!» А несколько лет спустя, в 2014 г. после Крымской речи Президента России мы уже говорили с ним о первых признаках национального возрождения, о первом смятении в либеральных кругах. По поводу этих кругов я заметил: «Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают?» «Вы неправильно ставите вопрос, — отвечал Палиевский. — Тут надо спрашивать иначе: “Что так жалобно поют?”»

***

Все, кто знал Петра Васильевича в его последние годы, изумлялись: человеку далеко за восемьдесят, а ему как будто и старости нет: звонкий по-юношески голос, быстрая, крепкая походка — даже люди сравнительно молодые, идя рядом с Палиевским, нередко уставали, с трудом выдерживали темп, который он задавал. И этот дар удивительно долгой, словно непреходящей молодости таинственным образом был сопряжен с не покидавшей Палиевского великой бодростью духа и жадным интересом к жизни.

Во время одной из последних бесед с Петром Васильевичем летом 2019 г. я пожаловаться: до чего же мир, окружающий нас, бывает порой неприветливым, хмурым, чуть ли не ужасным! И в ответ услышал: «Да-да, он временами еще хуже, чем Вам кажется. Но до чего же интересен!»

Я никогда не видел его скучающим, равнодушным. Впечатления науки, искусства, природы, частной и политической жизни мгновенно становились достоянием его мысли и чувства, отзывались в богатом и стройном внутреннем мире, где всё сопрягалось со всем. Его литературоведение было живым фактом современности, имело отношение ко всем сторонам бытия. Оно было вездесущим и радостным. Мне приходилось встречать коллег, для которых знакомство с Палиевским становилось настоящим профессиональным откровением. Видимо, причина тому была проста: Петр Васильевич возвращал филологию к ее многомерным основополагающим смыслам, рассеивал туман, помогал надежно стать на твердую, здоровую, цветущую почву.

За несколько месяцев до его ухода мы выступали с ним на очередном заседании Научной группы по изучению Льва Толстого в московском музее писателя. Третьим выступающим был наш замечательный коллега — выдающийся филолог, издатель и педагог Алексей Владимирович Федоров. За какое-то время до заседания группы, естественно, нужно было определить его проблематику. После довольно долгих размышлений мне показалось, что самой необходимой и актуальной будет тема «Толстой в современной российской школе». Я позвонил Палиевскому и, еще не поделившись своим замыслом, спросил, есть ли у него какие-то предложения. И вдруг услышал: «Толстой в современной школе». Доклад, с которым выступил тогда Петр Васильевич, был озаглавлен емко и точно: «Наукообразие в современной школе как форма уничтожения смыслов».

После заседания мы втроем шли по Пречистенке к метро. Невозможно было даже подумать, что это одна из последних наших встреч с Палиевским. Он шагал все так же бодро, говорил оживленно и заинтересованно. Впрочем, на какое-то мгновение мне впервые показалось, что в его походке, в его словах было что-то непривычно трудное, словно преодолевающее незримую усталость.

***

Мне приходилось говорить с Петром Васильевичем о самых разных предметах, но особенное место среди них занимала музыка. Как можно догадываться из всего, что сказано выше, он должен был обладать — и обладал! — исключительно тонким и развитым музыкальным чутьем. Естественно, его музыкальные пристрастия и музыкальный кругозор были весьма далеки от простой культурной копилки, куда без разбору складываются впечатления от всего услышанного.

Нет, Палиевский был разборчивым, «горячим» меломаном со своими симпатиями и антипатиями. Но при этом он и о музыке судил прежде всего аналитически, глубоко постигая самое существо этой загадочной творческой области. Впрочем, то же самое говорил мне один восхищенный его проницательностью художник, картинам которого Петр Васильевич однажды устроил взыскательный разбор. «Вы понимаете, — рассказывал этот человек, — он как-то без малейшего усилия увидел все до мелочей — что мне давалось легко, а что трудно, что я “вытянул”, а в чем “не дотянул” — даже то, что, казалось, никто

кроме меня не знает — и в то же время очень верно определял целое». Создавалось порой впечатление, что он каким-то интуитивным, врожденным даром улавливал фундаментальные законы художественного творчества со всеми его родовыми различиями — и уже на этой основе судил затем о каждом отдельном явлении.

Сказанное не исключает, конечно, и его глубоко личного отношения к тому или другому творцу или даже художественному направлению. В конце концов, именно погружение предмета в собственную картину мира обеспечивало в случае с Палиевским глубину вполне объективного постижения искусства. Так что в своем познании законов прекрасного он должен был порой впадать и в крайнюю субъективность. В зарубежной музыке, например, он дорожил венскими классиками и особенно немецкими романтиками, но совершенно не принимал полифонию Иоганна Себастьяна Баха, считал его творчество механическим, мертвым. «Петр Васильевич, да ведь это просто иная, сверхчувственная музыка, у Баха многие партитуры, по свидетельствам музыковедов, даже построены крестообразно, даже на нотном уровне несут в себе христианское содержание!» В ответ на это можно было услышать: «Вот-вот, здесь все идет от головы, а не от жизни!» Точно так же для него была полностью чуждой музыка Сергея Прокофьева. Палиевский любил сравнивать его с Маяковским в поэзии, которого также на дух не принимал.

Впрочем, своего мнения он никому не навязывал и даже охотно выслушивал как полностью законные суждения своих оппонентов. Более того, в дальнейшем, как я убедился, такие мнения он периодически учитывал. Однажды мне показалось, что Палиевский как-то очень уж «революционизирует» Бетховена, представляет его только «вулканическим», «титаническим» композитором. И я заметил, что все это, конечно, так, но бетховенский «титанизм» постоянно умеряется изумительной стройностью формы и почти беспримерным благородством и чистотой в музыкальном выражении чувства. Через несколько лет мы как-то снова заговорили о Бетховене. На этот раз уже я неосторожно утверждал, что Бетховен грубо «перенастроил» до наших дней всю звуковую картину мира. И вдруг услышал от Палиевского: «Но все же какое благородство!»

Как-то я дерзнул показать ему свой небольшой, предназначенный для детского чтения очерк-зарисовку о Моцарте. В основном Петр Ва-

сильевич отнесся к написанному снисходительно, однако решительно воспротивился мысли о том, что Сальери, по всей вероятности, не был отравителем Моцарта: «Нет-нет, Пушкин не мог ошибаться, потому что открывал историю на самой большой, недоступной ученому постижению глубине!»

В целом же, как ни любил он европейских композиторов, в его отношении к ним все-таки наблюдалась едва заметная отстраненность. Безраздельной была его любовь к русской музыке. Он и меня как-то упрекнул в том, что я излишне привязан к европейской музыкальной культуре, так что я должен был объяснять: «Просто домашнее любишь совсем по-другому, как часть самого себя!» Палиевский, насколько могу судить, был во многом воспитан Большим театром, Московской консерваторией 1950–1960-х гг. — времени наивысшего их расцвета и царствующей в них русской национальной традиции. Относительно отечественной музыки второй половины XIX в. Петр Васильевич держался того мнения, что она движется тремя равноправными могучими «потоками»: Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков. Ни одному из этих гениев он не отдавал решительного предпочтения, хоть временами все же была заметна его особенная любовь к Мусоргскому и чуть более сдержанное (так мне казалось) отношение к Чайковскому.

Всего же более восхищало Палиевского творчество его земляка Михаила Ивановича Глинки — начала всех начал в русской классической музыке: альтовая соната (в обработке и исполнении Вадима Борисовского), прощальная молитвенная ария Сусанина из четвертого действия «Жизни за царя», ликующе русская увертюра к «Руслану и Людмиле». Палиевский даже Нестора Кукольника склонен был иногда причислять к большим поэтам — вероятно, лишь потому, что его стихи оказались «освещены» вечной музыкой Глинки.

Говорили мы с ним и о живописи. Иногда разговор касался великих итальянских художников. Он довольно сдержанно относился к «высокому» Ренессансу, но бесконечно любил «весну» Возрождения: Фра Анджелико, Мазаччо, Беноццо Гоццолли, Доменико Гирландайо. Время найденных словно впервые объема, перспективы, цветущих красок...

***

Петр Васильевич ушел от нас одновременно со своей эпохой. Наступили новые — героические, грозные — окрыляющие времена. Что же — время Палиевского закончилось? Иногда мне кажется, что оно только приходит.